

Леянова З. С.

Гамбург-2012

(путевые заметки)

Часть I

Виза

16 января 2012, понедельник. Ленинград

Поезд прибыл по расписанию.

До прихода в германское консульство у меня целых пять часов. Спешить некуда. Можно погулять.

Но каждый шаг по этому городу напоминал о Леночке и Серёжечке. Всё время хотелось плакать. Ныло сердце. И трудно стало дышать. В метро пропустила несколько поездов, пока маленько поуспо-коилась. Когда проезжали Новочеркасскую, опять стало очень тяжело. Ведь с этой станции идёт дорога в Гидрометинститут, где училась моя Леночка...

От метро «Чернышевская» прошла до Фурштатской, 39. В консульство я записана на 13 часов 15 минут, но захотелось заранее посмотреть, где оно находится. Увидела. Теперь можно побродить по городу.

В музей Суворова меня не пустили, ска-

зали, что он начнёт работать с 19 января.

Обошла немало кварталов, искала какую-нибудь библиотеку, чтобы почитать в тепле и тишине, посетить культурный и бесплатный туалет. Куда там! Попадались только магазины. И чайком погреться негде. Зато на Суворовском проспекте рядом с входом во французский ресторан увидела ёлочки с такой же широкой и мягкой хвоей, как у Машуткиной ёлки в Гамбурге. Ломанулась было в дверь ресторана спро-сить, что это за ёлки, но дверь оказалась запертой.

Заглядывала в разные переулки, надеясь найти Леночкин пивбар. Было время, когда моя младшая дочь там работала. Она говорила, что именно там научилась прекрасно готовить. Адрес точный я не знала, чувствовала только, что заведение где-то в этом районе. Так и не нашла.

Гуляла по Таврическому саду. Обратила внимание на памятник Есенину. Помнится, когда увидела его впервые, года три назад, он мне не понравился: показался странным и даже ужасным. А сейчас ничего в нём плохого не заметила, даже глянул: присел Сергей Александрович на пенёк, задумался,

сочиняет...

Незадолго до часу дня позвонила Ма-

шутка, спросила, не позабыла ли я дома загранпаспорт. Шутит девочка! Пообещала положить денег на мой телефон, чтобы я не осталась без связи. Попросила «эсэмэснуть», как только выйду из консульства.

Около консульства уже толпились люди – кто получать документы, кто сдавать.

Открылась дверь, и дядька пригласил: «Кто записан на 13-15 сдавать документы, заходите двое».

По паспорту нашли меня в нужном списке, спросили про взятые с собой документы, дали памятку о том, в каком порядке желательно их разложить перед подачей, и направили дальше – на

проверку по безопасности (чтобы не было метал-лических, режущих и колющих предметов, а также чтобы был отключен мобильник).

Убедившись в моей «безвредности», пропустили дальше:

- Проходите направо, возьмите номерок.

Мне достался № 341.

Над окном № 5 вскоре засветилось: «341». А я не успела разложить документы в нужном порядке! Приветливый мужчина в окне № 5 успокоил, что сам разберётся. По

ходу дела задавал вопросы:

- К кому едете в Германию?

- К другу дочери.

- У дочери виза есть?

- Да.

- На какой срок едете?

- На три дня.

- Что так мало? – Улыбнулся и ответа не потребовал.

Не отходя от окошка, заплатила консульский сбор 1.470 рублей (а Машутка говорила, что возьмут 2.500) и получила справку о том, что с 19 января могу получить визу.

Выйдя на улицу, послала Машеньке SMS: «Сдалась!». Доча сразу позвонила. Я быстро ей всё рассказала и попросила побережь денежку, больше не звонить мне, лучше я завтра из дома свяжусь по скайпу.

Сдуру позвонила Юре Ивачёву. Не ответил. Но через некоторое время прислал SMS: «Я в Австрии. Вернусь 22-го». Ну и ладно! Всё равно мне пока трудно встре-чаться со знакомыми...

Располагая свободной тысячей рублей, решила по-человечески пообедать. Но нигде в меню не оказывалось блюд, подходящих для моих зубов: ни каш, ни супов-пюре не было. Зашла в «Украинскую хату». Сказали:

«Да, каша есть, гречневая, идёт на гарнир. Стоит 150 рублей». Нет, это не по мне. К счастью, подвернулось какое-то кафе, где

на окне висело объявление: «Обеденное предложение. 119 рублей». Выяснила, что предложение состоит из супа-пюре, мясного салата и холодного напитка. Прекрасно! То, что надо.

Сытая, покружила ещё по городу, дошла до метро «Площадь Восстания» и поехала на Ладожский вокзал. Купила обратный билет (вагон 11, место 43). В запасе у меня четыре часа. Идти никуда не хотелось. Взялась за книгу, но не читалось, а дремалось. Промаялась час и пошла на улицу.

Недалеко от вокзала располагается юве-лирное заведение имени Фаберже. Это огромное здание, на двух нижних этажах которого разместились выставочно-торго-вые залы. Зашла поглазеть. Обошла оба этажа. Нагляделась на бриллианты и прочую красоту. Всё это считаю «пылесборниками». Присматривала что-нибудь более практич-ное для подарка Маше с Ёшей. Понравился серебряный очиститель воды с двумя кругляшками. Можно бы на них выграви-ровать знаки зодиака моих дорогих ребят. Спасибо, Фаберже, за идею!

По обе стороны широкого «ювелирного»

крыльца растут высокие голубые ели. Обратила внимание, что вокруг елей летают удивительные птички: размером с воробья,

желтовато-зелёные, на крылышках светлая полоса, голосок негромкий, красивый. Птич-ки эти (ну совсем как колибри, зависающие в воздухе перед цветком) зависали в воздухе перед еловыми лапами и впархивали в гущу. Чем они там лакомились? Шишки-то у ёлки наверху, а птички рассаживались по всей высоте дерева.

Я долго любовалась этим красивым и очень мелодичным зрелищем. Жалела, что не было с собой фотоаппарата. Да вряд ли удалось бы заснять – на улице смеркалось.

Про то, что я без фотоаппарата, жалела не раз сегодня. Например, когда шла мимо Таврического сада и увидела над головой раскинувшиеся ветви деревьев. На фоне серого неба тёмный силуэт ветвей выглядел прекрасным ажурным рисунком. Такое хочется сберечь навсегда...

Купила бананов, творожных сырков, пряников и пошла пить чай в Макдоналдс. Там было тепло, но шибко шумно (отврати-тельная музыка заглушала человеческие голоса). Заказала чайник зелёного чая (75 рублей). Горячо и вкусно!

Нормально поела. Вот и готова в дорогу.

В нашем вагоне полно детей. Будет весело!

Узнала, что дети – из Вологды. Приезжа-

ли в Питер на международный танцеваль-ный конкурс. Заняли I место.

19 января, четверг. Череповец

Машутка сообщила, что звонила в консульство. Виза моя готова. Можно ехать получать.

Вечером я отправилась в Ленинград.

20 января, пятница. Ленинград

На Фурштатской у консульства стояла небольшая очередь – все за документами. Неожиданно я увидела Евгения Мартышева, известного череповецкого художника. По-здоровались. Он едет в Германию к дочери.

- Надолго ли?

- Срок с собой.

Позвонила Наташа Мерзликина. Она только что увидела в скайпе моё вчерашнее послание с предложением встретиться. До-говорились, что когда выйду из консульства, перезвоню ей и приеду.

Слава богу, получила паспорт с визой.

Погостила сначала у Наташи Мерзлики-ной, потом у Наташи Кондрашовой (они живут рядышком) и отправилась на Ладож-ский вокзал.

Часть II

Гамбург

27 января, пятница. Москва

Машутка встретила на перроне, взяла у меня оба паспорта и другие документы, отдала ключи от квартиры и поехала на работу.

Гулять по столице не хотелось, и я про-сидела весь день дома, отсыпалась.

Вечером, когда доча вернулась с работы, поужинали, упаковались и легли спать.

По-прежнему не верится, что завтра будем в Германии...

28 января, суббота. Москва. Гамбург

Встала в 5-30. Машутка собиралась подняться в 6-00. Целый час я приставала к ней, сообщая время...

Из дома вышли, как и планировали, ровно в восемь. На метро добрались до Белорусского вокзала. Оттуда – на аэроэкс-прессе до Шереметьева. За окнами электро-поезда мелькали красивые перелески и по-

сёлки Подмосковья, а у меня уже появилось ощущение, будто попала за кордон: в вагоне много иностранцев, слышится незнакомая речь.

Еду за границу впервые. Значит, надо загадывать желания. А желание у меня одно: хочу, чтобы у Маши и Ёши всё было хорошо.

Приехали в аэропорт. Моя умница Машенька терпеливо объясняла мне, на что в Шереметьево обращать внимание в первую очередь, куда идти и что делать при вылете или, наоборот, когда прилетаешь сюда.

Регистрацию Машутка оформила заранее. На посадочных талонах обозначен терминал «D», № рейса 125, дата и время вылета 28 января, 11-25, выход 21, время посадки 10-45, места 07E и 07F.

Машутка объяснила, что терминал «D» - это новая часть аэровокзала; терминал «F» - старая часть, менее удобная (находится в стороне); а есть ещё и терминал «E». Так что бдительность и ещё раз бдительность!

Пошли сдавать багаж. У нас огромней-ший красный чемодан на колёсиках. Свою верхнюю одежду мы положили в чемодан. Прочитали на табло, где принимают багаж на рейс 125.

Налегке прошлись по аэровокзалу. Машутка, словно опытный экскурсовод, обрушила на меня массу информации. А я усвоила, что самое главное – это внимательно читать вывески. Ведь послезавтра, когда я одна вернусь из Гамбурга, мне надо сориентироваться и найти по указателям «Выход на электропоезд в Москву».

Паспортный контроль. В наши паспорта поставили печать убытия из Москвы.

Куда-то пришли. Вижу, люди ходят с тазиками, как в бане. Оказывается, здесь производят досмотр пассажиров и их ручной клади. Надо разуться, надеть бахилы, обувь положить в тазик. На ком осталась верхняя одежда, её тоже надо поместить в тазик, в другой, который побольше.

Мы поставили тазики с обувью на транспортёр, и они поплыли на проверку через специальную аппаратуру. Сумки наши тоже проверили. Мне предложили зайти в застеклённую кабину, поставить ноги на нарисованные следы. Дверцу закрыли. Проверяющая попросила поднять руки, потом развести их в стороны, прокрутила вокруг меня стенки кабины и выпустила на волю. Безопасный пассажир! Может идти дальше! Машутку проверяли просто приборами, не в кабине. От такой

тщательной проверки никто не раздражался; наоборот, всем становилось спокойнее, что уж никто не пронесёт в самолёт бомбу.

Ищем на табло, информацию о рейсе 125. Ищем выход 21. Какой большой аэровокзал! Долго добирались до нужного выхода. В ожидании посадки сидели в креслах и наблюдали за движением самолётов на лётном поле. Какие они разные и по размеру, и по окраске! Как их много! Они чуть ли не косяками взлетают и садятся!

Объявили посадку на наш рейс. Последняя проверка документов. До свидания, Москва!

В самолёте миновали первый салон с широкими креслами (их по два с каждой стороны). В следующем салоне (он длиннющий!) наши места во втором ряду, справа по борту. Машенька великодушно пропускает меня на «F», к окошку. Говорит, что ей уже неинтересно смотреть в окно, что она лучше почитает.

Наблюдаю за входящими пассажирами. Люди со всего света!..

Выслушали приветствие командира экипажа. Узнали, что наш самолёт носит имя русского художника (вот досада, забы-

ла, какого!). Что полёт будет длиться 2 часа 35 минут.

Перед взлётом стюардесса демонстрировала, как ориентироваться в самолёте, где аварийные выходы, как пользоваться кислородной маской в случае разгерметизации салона, как надевать и поддувать спасательный жилет, где на нём лампочка, которая зажигается в воде. Не приведи бог испытать всё это на практике!

Взлетели легко. Внизу то ли дымка, то ли облака. Над ними торчат макушки небо-скрёбов. Красиво! И чего я постеснялась взяться за фотоаппарат?! Теперь ведь не запрещают снимать с самолёта.

Вскоре нам предложили попить. Мы попросили томатный сок и просто воду. Потом пассажиров угостили обедом. Горячие блюда – на выбор: кура с рисом или рыба с картошкой. Машутка взяла куру, а я – рыбу (потом пробовали друг у друга). Салат великолепный из зелени, сёмги и креветок.

К чаю с лимоном – булочки, масло, конфеты. Вкусно и красиво. А ещё и салфе-точки оранжевые. Всё глаз радовало.

Почти весь полёт я смотрела в окно. Сделала несколько снимков. А рядом в кресле спала моя Машенька. И мы летим в Германию...

Когда стали снижаться над Гамбургом, он удивил красотой планировки, аккурат-ными постройками, обилием парков, озёр и даже снегом.

Местный аэропорт меньше Шереметь-ева, но не менее просторный и красивый.

Удивилась эскалатору. Вроде стоит неподвижный, я даже подумала, что сломанный. Но только приблизились к нему – поехал. Сошли с эскалатора – он тут же остановился. Машенька прокомментирова-ла: «Немцы умные».

Снова паспортный контроль. Дядька придирчиво изучал наши паспорта, особен-но мой. Наконец, поставил печать прибытия в Гамбург.

Машутка и здесь обращала моё внима-ние на электронные табло. Прочитали, что с рейса № 125 Шереметьево-Гамбург багаж получать у транспортёра № 6.

Нашли нужный транспортёр, поймали наш чемодан, вытащили из него верхнюю одежду и направились к выходу. (Маша с Ёшей уже созвонились, он ждал в машине на платной стоянке).

Я на ходу репетировала приветствие: Guten Tag! (гутен таг) (добрый день). Машутка предложила местное выражение: mein mein (мойн мойн), сказала, что Ёша бу-

дет от этого в восторге.

И, правда, он так обрадовался, когда услышал от меня «мойн мойн», засмеялся и крепко обнял нас обеих.

Сели в Ёшину машину. Она сереб-ристая, небольшая, с интересным номером: НН НЗ 1975. Оказывается, первые две бук-вы обозначают Hansestadt Hamburg (ган-зейский город Гамбург). А остальное – Ёшины инициалы и год рождения. Вот как интересно!

Хотя мы почти не задержались в аэропорту, Ёше пришлось заплатить за стоянку один евро (рассчитывался Ёша, не выходя из машины, поэтому я и в курсе).

Гамбург красив не только с воздуха. Мне сразу бросились в глаза симпатичные дома, зелень и цветы на балконах и на улицах (это среди зимы-то!), ровные дороги.

Остановились у озера. По воде плавали гуси, чёрные утки, лебедь подплыл к самому берегу. Наверное, надеялся на угощение, а я могла только сфотографировать красавца.

На деревьях и под ними много чёрных птиц. По окраске они как вóроны, а разме-ром меньше обычных ворóн. Кто такие?

Мы немного погуляли по берегу и поеха-ли дальше. Ёша привёз нас к небольшому рынку. Машутка объяснила, что это необыч-

ный рынок. Работает он всего несколько часов и только по субботам. Продают здесь всё своё, выращенное у себя или сделанное своими руками, самое лучшее и экологи-чески чистое.

Я как будто фильм смотрела! Толпы людей, кто с детьми, кто с собаками. Лица людей какие-то открытые, светлые, улыб-чивые, красивые; в них заметно здоровье физическое, интерес к жизни. Все вокруг весёлые, приветливые. (А мы, русские, часто бываем зажатыми, угрюмыми, озабочен-ными, даже не пытаемся скрыть от посто-ронних, что нас терзают какие-то пробле-мы). Одеты немцы не броско. Многие без головного убора, зато шея замотана тол-стым шарфом.

На прилавках всё ярко, живописно, обильно. Мы что-то вкусное пробовали, кое-что покупали. Заметила, что рассчитывались и Ёша, и Маша. (Интересно, что будет при их совместном хозяйстве?..) Потом купили по ягоду кексу и по стаканчику горячего кофе. Между прочим, стаканчик накрыт крышечкой с дырочкой – так и кофе не остынет дольше, и не расплещется.

И снова в путь. Улицы казались очень уютными, дома – тоже. И что характерно, на магазинах – вывески на немецком языке! (А у нас что творится?..)

Вот и Ёшин дом (улица Бармбекер, 3). В подъезд открывается стеклянная дверь. (А у нас-то железные!) Витая лестница до последнего этажа. На каждой площадке по две двери, тоже стеклянные, и перед каждой лежит коврик. Коврики разно-цветные, с разной символикой (например, ёжики, кисты, белый крест на красном фоне). Кое-где на них стояла обувь.

Ёшино жильё то ли на пятом этаже счи-тать, то ли это уже мансарда? Очень просторно, светло, не жарко. У порога встретила кошка Марта – любопытное, общительное, ласковое создание. Сразу полезла целоваться. Отовсюду с белых стен на меня смотрела с фотографий Машутка. Возможно, я преувеличиваю, но такое было первое впечатление. Фотографий много, они разные, есть морские виды, исландские.

Как здесь всё приспособлено удобно: и кухня, и кладовка, и ванная! Для Марты установлена электронная кормушка, кото-рая выдаёт определённую порцию корма в определённое время. Это чтобы не пере-едала кисонька. А какой у неё «кабинет задумчивости»! В глубокий лоток насыпают специальный наполнитель, которого хватает

на две недели. Потом содержимое лотка можно спокойно вывалить в унитаз, по-скольку этот наполнитель хорошо раство-ряется в воде! Лоток сверху прикрыт высо-ким «домиком» с дверцей (она открывается и внутрь, и наружу).

Немного отдохнули, попили чаю. Надо же, у Ёши даже чайничек с чаем ставится на специальную подставку с горячей све-чой. Красиво и практично. За разговором не заметили, как подчистили почти всё, что принесли с рынка. Ну ещё бы, вкусно-то как!

Ребята спросили, не желаю ли поспать? Что вы, дорогие мои, или я спать приехала?!

Поспешили на выход.

На четвёртом этаже позвонили в квар-тиру фрау Бок. (Ёша по-соседски дружит с этой фрау, а она ухаживает за Мартой, когда Ёша в отъезде; Машутка тоже её знает).

Дверь открыла пожилая женщина с красивым энергичным лицом. Причёска у неё аккуратная, жилеточка яркая, краси-вая. Очень приятная женщина! Язык не поворачивается назвать её

старушкой, хотя мне уже известно, что ей восемьдесят четыре года. Познакомились. Фрау Бок пригласила нас на чаепитие завтра к трём

часам дня.

Вышли на улицу, сели в машину. Ёша включил радио. Я прислушалась. Порадо-валась, что исполняют музыку Моцарта. А ещё большую радость испытала, когда заговорила женщина-диктор. Её речь (которую я, естественно, не понимала) лилась как весенний ручеёк, звучала как прекрасная музыка. Что же это нам с детства внушали, что немецкий язык – лающий, противный!?! В советских фильмах немцев выставляли грубыми придурками! Я понимаю, что была война. Но гитлеровцы и немецкий народ – это не одно и то же. А мы росли с понятием «немец = фашист»!..

Приехали в порт. Я узнала это место по фотографии, когда Маша и Ёша были здесь летом на «Крузенштерне». У причала и сейчас стоит какой-то парусник. Людей и кораблей в порту много. Царит праздничная атмосфера.

Мы прошли под Эльбой по туннелю на ту сторону. Я любовалась панорамой города и всё никак не могла поверить, что это наяву. Снова прошли под Эльбой.

Ёша рассказывал, что Гамбург нравится ему не только красотой, а и своей какой-то простотой, человечностью. В Берлине, на-пример, надо всему внешне соответство-

вать; там Ёше пришлось бы обязательно надеть фрак, чтобы попасть в оперный театр. А в Гамбурге о человеке судят не по одежке, и здесь в оперный театр Ёша может пойти в своей любимой синей курточке.

Прокатились мы и на пароходе, до гамбургского пляжа. Бродили по берегу, по песку. Здесь тоже много людей: кто гуляет, кто сидит в кресле, закутавшись в плед.

С берега поднялись по лестнице на узенькую и очень уютную улочку. Каждый дом – как игрушечка, настоящее произведение искусства. И вокруг него маленький чудесный сад. Окна в домах не задёрнуты шторами, и видно, как люди живут, чем занимаются.

На обратный пароход мы попали удачно, словно он дожидался нас: только заскочили, он и отошёл. Сели за столик: я рядом с Машей, Ёша напротив. Вижу, как они тянутся друг к другу, как сплетаются их руки, как дорогие мои ничего не замечают вокруг. Кто-то из окружающих пытается сфотографировать их руки. Я бы очень хотела увидеть этот снимок...

Приплыли в порт. Удивляюсь: никаких матросов с чалками, пароход остановился как трамвай у остановки, сбоку откинулся (откинулась?) аппарат, и люди пошли на бе-

рег.

Потом мы опять куда-то ехали на машине, и я не уставала восхищаться городом.

Вечером, когда стемнело, гуляли в парке. Здесь было красиво и романтично. В парке находится планетарий (он устроен в бывшей водонапорной башне). Мы хотели попасть на смотровую площадку, но туда пускают только до 15-30. Тогда ребята купили билеты на какой-то концерт на завтра. И мы заторопились в ресторан, здесь же в парке (Ёша заранее заказал столик на семь вечера, а часы показывали уже 19-00).

Этот ресторан (одноэтажная постройка) – тоже своего рода достопримечательность. Во-первых, здесь можно отведать насто-ящую немецкую кухню. Во-вторых, именно здесь любили выступать «Битлз». Жители Гамбурга очень гордятся этим, могут много рассказывать о любимых музыкантах, и стены ресторана увешаны фотографиями знаменитой четвёрки.

Когда мы сели за указанный столик, официант сразу же зажёл свечу. С нею стало теплее, уютнее. На столах и на окнах цветы, а за окном зеленели кусты, обсыпанные снегом. Мы немного замёрзли на улице, поэтому очень обрадовались, когда нам при-

несли по бокалу глинтвейна. Я впервые пробовала глинтвейн, даже не представляла, что это такое. Мне казалось, что он должен походить на наш пунш. Но нет, кажется, это подогретое вино, ничем не разбавленное. Очень хорошо согрел этот напиток! Потом принесли большущие тарелки с «настоящей немецкой едой»: много мяса, да ещё и сосиска из наголимого мяса, горчица, гора зелёной капусты, картошка не порезанная, но поджаренная. Никакого хлеба.

Обсуждали план завтрашнего дня. Ёша предложил на выбор: посетить концлагерь или церковь святого Николая. Ёша пережи-вал, что мы выберем и как станем отно-ситься к немцам после этого. Объяснял: в концлагере немцы представлены ужасными, а все остальные люди – жертвами. А рядом с церковью святого Николая сохранились разрушения от войны. То есть там видно, что и немецким жителям досталось во время войны, что они тоже жертвы.

Я, сославшись на любимого мною Ремар-ка, сказала, что всё пойму как надо, пусть Ёша не опасается. Что уже давно для меня исчез знак равенства между немцами и фашистами; иначе я бы сюда и не приехала. Что я готова пойти, куда поведут, ведь мне всё интересно. И начала приглашать Ёшу к

нам, соблазняя дикими местами, куда ещё не дошла цивилизация в виде света и ра-дио. Машутка перевела мою путаную речь: «Мама гордится Вологодчиной».

Признаюсь, общаться сложновато: гово-рит Ёша, а слушать надо Машу (она син-хронно переводит), а на кого смотреть в этот момент?

В одиннадцатом часу вечера (в Москве шёл второй час ночи) мы появились в отеле «Кристобайль», где для меня забронировали номер. На ключе увидела «16». Надо же, как домой иду! И тоже на второй этаж!

Дежурная сказала, что если я буду поздно возвращаться, то этим ключом могу открыть с улицы и входную дверь в отель. Машутка объяснила: «Чтобы не будить дежурных».

Как только мы вошли в коридор (куда выходят двери номеров), сразу автома-тически включился свет. Свет в коридоре сам выключился, когда мы зашли в номер. Так же срабатывает освещение и на лест-нице.

Ну и апартаменты шикарные! Окно во всю стену. А кровать такая широкая – ло-жись хоть вдоль, хоть поперёк! (В Череповце наш коридор намного уже этой кровати).

Большой плоский телевизор, пульт и

список программ. Тридцать одна программа! Рядом с телефоном толстый справочник. Всё для вас!

Но я ничем не воспользовалась, даже душем, а сразу бухнулась в кровать под пуховое одеяло. Как хорошо, что в номере прохладно. Сходу вырубилась.

29 января, воскресенье. Гамбург

Вчера Ёша сказал, что утром поедem на Fishmarkt (Фишмаркт) – рыбный базар, поэтому предстоит проснуться в шесть часов. Пустяки, ведь по-нашему это девять утра. Ребятам, конечно, труднее будет...

Проснулась в шесть по-нашему. Пока помылась, пока записала про вчерашний день. Как бы я всё это успела, не будь разницы во времени? А тут три часа как найдённые!

Ребята приехали за мной в начале восьмого, и мы отправились в порт.

Ёша рассказал, что возник фишмаркт давно. Моряки, сойдя на берег, обычно гуля-ли всю ночь в кабаках с местными девуш-ками. На рассвете гулянка заканчивалась: моряки возвращались на свои корабли, а их подружки шли на берег, куда рыбаки уже привозили самую свежую рыбу. Житель-ницы Гамбурга покупали рыбу, чтобы дома

накормить своих родных.

Теперь фишмаркт бывает только по воскресеньям: летом – с пяти утра, зимой – с семи. Традиция покупать рыбу на рассвете сохранилась.

Было ещё темно, а в сторону базара направлялись толпы людей. И чего им не спится в выходной? А они ещё и весёлые все, радуются, смеются, оживлённо разго-варивают! Мы влились в этот поток. Кое-кто уже шёл навстречу, неся покупки: пакеты с рыбой, корзины с фруктами. Кстати, такая вот корзина, доверху наполненная разными фруктами, стоит десять евро. А перед закрытием рынка её можно купить почти даром – за пару евро. И всё же люди стремятся попасть сюда как можно раньше, им важен сам «процесс».

Спустившись по широкой лестнице, увидели, что набережная залита разноцвет-ными огнями, освещавшими бесконечные торговые ряды и тысячи (без преувеличе-ния!) пришедших сюда людей. До нас приглушённо докатывался рокот этого люд-ского моря. А где-то совсем близко слышалась песня под гитару. Мелодия зна-комая, но я никак не могла вспомнить, что это. Вдруг Машутка воскликнула: «Так это же «Мурка»!» Да, теперь и я признала старую

знакомую, даже слова разобрала: «Мурка, ты мой котёночек, Мурка, ты мой милё-ночек...» Меня захлестнуло такое волнение, сразу до слёз, что с трудом справилась. Увидела певца. Невысокий мужичок в распахнутом пальто хриплым голосом, картаво раскатывая букву «эр» в слове «мурка», лихо пел немцам нашу русскую песню. Вот так, везде наши люди! Не пропадём! Мне хотелось кинуться ему на шею. Но я только поплодировала. Ребята быстро уводили меня дальше.

На улице было холодно. Остановившись у одного прилавка, мы выпили горячего чая и съели по удивительно вкусной булочке с селёдкой – fischbrötchen (фишбрётхен).

Я озиралась вокруг и чувствовала, как меня захватывает общее радостное настро-ение. Продавцы, словно состязаясь друг с другом, весело и громко что-то кричали (разумеется, хвалили свой товар, привлека-ли публику). Люди, смеясь, подходили к прилавкам, что-то спрашивали, пробовали, покупали. Мы тоже попробовали и купили копчёных угрей.

Из огромного здания на берегу (навер-ное, это бывший склад) доносилась громкая бодрая музыка. Мы зашли. Здесь тоже бойко шла торговля, в основном едой. А на

сцене играл оркестр, пели солисты. Зрители им дружно (и стройно!) подпевали, другие даже танцевали. Маша с Ёшей тоже подхватили мелодию. Я улыбнулась им, а у самой перехватило горло, не знаю, куда деться, чтобы не заметили, что со мной творится. (После Серёжечки и Леночки я не хожу на концерты, потому что не могу слушать музыку, сразу начинаю подвывать и плакать). Чтобы скрыть своё состояние, пошла вперёд к какому-то столу, отвернулась к окну. А слёзы сами льются, не могу удерживать. А ребята уже вот-вот подойдут. Я мысленно просила у Серёжечки и Леночки прощения, пыталась взять себя в руки, поспешно утирала слёзы, а они всё равно лились. Пришлось сунуть под язык несколько таблеток глицина. Вижу, Машутка подходит ко мне, всё она видит и всё понимает, ни о чём не спросила. Спасибо, доченька. Тут и Ёша подошёл, стал нас фотографировать. Кажется, я была ещё с мокрыми глазами, но меня поотпустило. Музыканты объявили небольшой перерыв, и мы пошли на улицу.

На улице стало светлее. Хотелось фотографировать всё и всех. Но ребята поторапливали, а куда спешим – не говорили. Всё-то у них секреты-сюрпризы! Ладно,

посмотрю, что придумали.

Уходим с набережной, а там, где был мужик с гитарой, уже сидит шарманщик, крутит ручку шарманки, и громко звучит красивый немецкий марш. Я сфотографировала шарманщика. За это Машутка положила ему какую-то денежку.

Подошли к нашей машине, а у неё дворники задраны! Машутка перевела: «Я паркуюсь как мудака!». Тот, кто задрал дворники, дал понять, что Ёша неправильно припарковался. Действительно, наша машина загородила часть проезда.

Проехали вдоль Эльбы к огромным зданиям из красного кирпича. Это бывшие склады. Между ними – каналы. Когда-то товары с кораблей перегружали на лодки и на лодках подвозили к складам. В одно из этих зданий, на котором что-то крупно написано (я разобрала только «Академия»), мы и вошли через массивную дверь. Поднялись на четвёртый этаж. По переходу пришли к кассе. Около неё небольшая очередь. Вижу в кассе модели разных самолётов. Неужели куда-то полетим? С моих ребят станется! А они молча улыбаются. Теряюсь в догадках. И вдруг дошло: кажется, мы сейчас увидим ту страну, где всё крошечное, но всё-всё как настоящее и движется! Мне про это Машутка рассказывала и показывала фотографии. Ой, как интересно!

Так и есть. Угадала. Ура!!!

Первым делом пошли посмотреть новинку (недавно открыли новый объект – Гамбургский аэропорт).

Фантастика! Один в один аэропорт, только маленький! Огни на лётном поле жёлтые и зелёные, какие вчера в натуре видела, так же показывают пути для самолётов и служебных машин. Самолёты разных типов, с соответствующей окраской. Вон и наш аэрофлотовский красавчик! Самолёты заправляются, подруливают к аэровокзалу, направляются к взлётной полосе, разбегаются, взлетают! Другие – приземляются и тоже по своим дорогам добираются до аэровокзала. Служебные машины снуют по аэродрому. Фары светятся. Моторы режут! Когда «наступил вечер» и «пришла ночь», стало темнеть, зажглись огни и в аэровокзале, и в самолётах, и везде, где требовалось...

Управлял этим сложным хозяйством мужчина с помощью компьютеров. Любой желающий мог подойти к «диспетчеру» и понаблюдать за его работой.

Гамбург можно тоже изучить в деталях.

При желании увидишь многое: и здания, и парки, и транспорт, и частную жизнь жите-лей города. Только присмотришься, загляни в окна домов, прислушайся. Везде люди раз-ные, кто чем занят. По улицам ездят маши-ны, автобусы, поезда метро. Ты даже мо-жешь вмешаться во что-нибудь, если наж-мёшь кнопку на барьере.

Центральная Германия, Австрия, Швей-цария. Горы, туннели, пещеры. Пронесётся поезда, действуют фуникулёры, канатные дороги. Поражает обилие и разнообразие деталей: трава, деревья, люди, звери, птицы.

Снежная Скандинавия. Увидев ёглу (жилище из снега), сразу представила, что где-то здесь Юра Ивачёв развалился за столом (как раз перед отъездом из Череповца получила от него такую фото-графию).

Америка. Лас-Вегас (куда у Машутки совсем недавно сорвалась командировка) ночью сиял огнями так, словно утешал мою дочу: «Ещё побываешь здесь, никуда я не денусь!»

Всё вокруг очень интересно! Даже трудно так много воспринимать. Уже хочется где-то просто посидеть, помолчать. Мы так и сделали. Спустились в буфет, по-

пили, отдохнули.

Проходили мимо служебной комнаты, где за стеклом на столе лежал на подсти-лочке бело-чёрный котёнок. А к стеклу была приставлена записка: «Не стучать. Котёнок спит». Присмотревшись, заметили, что ки-сонька-то игрушечная. Добрая шутка!

Хорошо, что мы попали в эту «Страну чудес» с утра пораньше. С каждым часом народу всё прибывало. Когда мы спускались на улицу, нам навстречу шли уже толпами...

Поехали домой. По пути увидели под каким-то мостом яркие мягкие диваны. Ёша объяснил: «Для бомжей». Вот как, и здесь есть бомжи... Кое-где попадались аккуратно сложенные в кучи ёлки. Их, видимо, соберут организованно и увезут на переработку. Замечала и большие мешки с мусором – тоже собраны в кучи, ждут от-правки. Наверное, не все дома с мусоро-проводами. А сколько на улицах велоси-педов! Они оставлены у специальных стоек.

Обратила внимание на то, что даже около своего дома Ёше приходится искать место для парковки. Ёша спокойно к этому относится.

Пообедали. Времени до визита к фрау Бок оставалось больше двух часов, и я выпросилась погулять самостоятельно. Обсу-

див маршрут, Ёша распечатал карту той части города, где я собиралась побродить. Маша вручила свой телефон с гамбургской симкой и фотоаппарат (у моего сдохли батарейки). Торжественно пообещав ребя-там не заблудиться и явиться домой в срок, то есть к трём часам дня, или, в случае непредвиденной задержки, звонить и сообщать, где нахожусь, я храбро ступила за порог.

Когда идёшь по городу, то видишь его не так, как из автомобиля. Я крутила перед собой карту, соображая, где нахожусь. Какой красивый город! Какой чистый! Как легко здесь дышится! Сколько зелени: и рядом с домами, и на каждом балконе, и просто так – обширные зелёные острова среди улиц! И, главное, этот город – для людей! (А наши города – для машин). И нигде не видно бродячих животных. Маша рассказывала, что для них созданы приюты.

На озере плавали чёрные утки, катались на байдарках спортсмены. Озеро большое, а вокруг него сплошной парк. По берегу гуляют люди. Многие с детьми, другие с собаками. И снова бросается в глаза, что все вокруг радостные, вижу улыбки, слышу смех. Приглядываюсь к женщинам: мало кто в брюках, почти все в пальто и сапогах

(и сапоги не на шпильках, а нормальные, для зимы удобные).

По специальным дорожкам, протянув-шимся между тротуаром и автодорогой, проезжают велосипедисты, здесь же пробе-гают люди самого разного возраста. Чувствуется, что спорт у немцев в почёте.

В парковой зоне залюбовалась невидан-ными деревьями. Настоящий дендрарий! Представляю, какво здесь летом. Обратила внимание на очень старые деревья. Похоже, что они пережили войну. Надо же, уцелели! А я слышала от Ёши, что Гамбург был сильно разрушен...

Мне очень хотелось совершить «круго-светку», то есть обойти вокруг озера, но, взглянув на часы, поняла, что не успею. Повернула в другую сторону, там возвы-шался зелёный шпиль церкви святого Нико-лая. Казалось, до него рукой подать.

И действительно притопала туда быстро. Но в церковь не решилась зайти, побоялась, что платить надо, да и время поджимало.

Обратно шла немного другой дорогой. Но поскольку в Гамбурге нет параллельных улиц, а всё сикось-накось, мой путь заметно удлинился. Я спешила, очень хотела быть пунктуальной. Пыталась позвонить Маше, предупредить, что нахожусь рядом, пусть не

беспокоятся. Но телефон не работал, замёрз, наверное. Почти бегом неслась к улице Бармбекер, а она не приближалась. Стало жарко и весело: в струю попала, ведь спорт в Гамбурге в почёте!

Ёшиной машины на месте не было. Значит, ребята отправились меня искать. Но они ведь не знают, что я изменила маршрут!..

Что делать? Стоять у подъезда?

Кстати, на подъездах немцы вместо номеров квартир пишут список жильцов и рядом с каждой фамилией устанавливают кнопку домофона.

Нашла Ёшину фамилию Ziegler – в самом верху списка. Нажала на кнопочку. «А в ответ тишина...», - как пел Высоцкий.

Ищу в списке фрау Воск. Ага, вот она! Звоню. Слышу: «Ja?» (да). Докладываю: «Фрау Бок, я – Зинаида Степановна из Чере-повца, Машина мама. Ёши и Маши нет дома...» Дверь в подъезд открылась.

Поднимаюсь по лестнице. Фрау смотрит со своего четвёртого этажа, улыбается и что-то говорит. Подхожу. Снова рассказы-ваю, что гуляла, обещала к трём часам вер-нуться, не успела, а ребята, наверное, поеха-ли меня искать. Фрау Бок с понимающей улыбкой смотрит на меня и приглашает в

квартиру. Я говорю, что сначала сбегая, позвоню в Ёшину дверь. Сбегала, позвонила – тишина. Спустилась к фрау Бок. Достая карту, но фрау не смотрит на неё. Пока-зывает на свои глаза и машет рукой. Пони-маю: плохо видит. В это время зазвонил телефон. Фрау Бок пошла в другую комнату. Слышу, спокойно разговаривает. Возвраща-ется. Докладывает, что это Ёша звонил, она

сказала, что я здесь, они сейчас приедут. И предложила мне раздеться. Мы смеёмся, говорим каждая на своём языке и отлично понимаем друг друга.

Зашли в комнату. Уютно, чисто, хорошо. На стене много старинных фотографий. Спрашиваю, кто есть кто. Маленькая девочка в длинном платье – это сама фрау Бок. Ей здесь два года. Чёрт возьми, а ведь похожа! Там – мама, здесь – папа, вот – сын, вот – племянник. Всё понимаю! Достает фото-графию красивого мужчины, называет: муж. Но он умер. Сорок лет прошло с тех пор. Я сказала про своего мужа, показала на пальцах, что два года, как нет его (прости меня, Серёжечка, что округлила время твоего ухода от нас).

В дверь позвонили. Вот и наши приехали! Смех, радость! Ребята привезли не-сколько кусков торта (здесь торты продают

кусками).

Фрау Бок прошла на кухню, мы, как цыплята, последовали за ней. Пытаемся сфотографироваться на память, но оба фотоаппарата (и мой, и Машуткин) требуют: «Поменяйте батарейки». Воспользовались Ёшиным телефоном.

Фрау Бок пригласила в гостиную. Зажгла толстую красную свечу, стоявшую посреди стола. Принесла из кухни фарфоровый, вытянутой формы, чайник с чаем (не с заваркой, а с приготовленным чаем). Зажгла маленькую свечку в подставке для чайника, и он занял своё законное место, тёплое и удобное. На столе появилась вазочка с конфетами, молочник с молоком, тарелка с кусочками торта. Вся чайная посуда (в том числе и подставка) из одного сервиза, очень красивая.

Ёша разливал по чашкам чай, спросил меня: «С молоком?». Я из любопытства согласилась. Он налил молока малехонечко, ну буквально капельку. Наверное, у немцев так принято. Ну да ладно, как говорится, не жрать пришли!

Машутка в это время что-то рассказывала фрау Бок. Я догадалась: обо мне, как пришлось дважды ездить в Питер из-за визы.

- Как далеко это от вашего города?

- Десять часов на поезде.

У фрау Бок в глазах сочувствие и уважение.

Фрау Бок задаёт вопрос мне:

- Понравился ли Гамбург?

- Да, конечно! Из всех виденных мной городов это самый красивый.

Фрау Бок с улыбкой говорит:

- Каждый город хорош по-своему.

Трудно не согласиться.

Я спросила про те старые деревья, что так удивили меня сегодня. Неужели они пережили войну?

Фрау Бок начала вспоминать про войну, бомбёжки. Про то, как спасались от холода. Вот тогда и вырубали почти все деревья в городе. Те, что я видела, старые, только и уцелели – случайно.

Затем фрау перевела разговор на мирное время. Рассказала про мужа, как они поженились в Пакистане.

Маша с Ёшей засмеялись:

- Наши люди! Мы вот тоже собираемся пожениться в Исландии.

Они называют фрау Бок просто по имени – Ингрид. Видно, у немцев принято обходиться без отчеств.

Ингрид достала альбом с фотографиями

о жизни в Пакистане. Фотографии делала сама. Такие маленькие по формату, а чёт-кие! Нагляделись мы экзотики. Но главное – увидели молодую Ингрид, красивую, счастливую.

Потом она показывала альбом про Нигерию, Венесуэлу, Сенегал. Где они только не были!

Ингрид принесла бокалы и вино. Пили за здоровье всех присутствующих. Чокались. Красивый звон!

Ингрид спросила, велика ли моя пенсия. Машутка озвучила размер моей пенсии в евро. Фрау Бок покраснела и закрыла лицо руками. Справившись с эмоциями, продолжила беседу:

- Научите, как прожить на двести евро?

- Ну, кто огород заводит, кто подрабатывает, а кому и дети помогают.

Ингрид задала новый вопрос:

- Пройдёт ли на выборах Путин? Кажется, при нём в стране стало лучше?

Я брякнула, что в России не все его любят, и рассказала, как мой Серёжечка, когда его спросили, как он относится к Путину, ответил: «Не пожалею десяти рублей из своей пенсии на киллера», чем так напугал спрашивавших студентов, что они дунули без оглядки на улицу.

Конечно, наша беседа шла с Машуткиной помощью: доча переводила синхронно на обе стороны. Ёша внимательно следил, вступал то ли в переговоры с Машей, то ли что-то объяснял Ингрид. Ингрид тоже не молчала. А я глядела на них как балда и переживала: вот ляпнула, наверное, глупость, а доче моей приходится заглаживать «нюансы», а Ёша и фрау Бок пытаются всё разложить по полочкам...

Уходить из гостей не хотелось, но нам надо к семи часам успеть на концерт. Тепло попрощались с Ингрид. Замечательная она, умная, весёлая.

Приехали в планетарий. Пришлось подождать в так называемом по-нашему фойе. Потолок расписан созвездиями. Ищу знакомые очертания, пытаюсь прочитать названия. Неожиданно попало на глаза «Adler». Машутка перевела: «Орёл». (М-да. «Интересная машина – лисапед!») Выходит, в нашей стране два города под одним названием: Орёл и Адлер?)

Разглядываю народ. В основном моло-дёжь, шустрая, весёлая. Ну, на то и молодость! Лица умные, даже одухотво-рённые. И мне начинает казаться, что все эти люди обязательно должны быть хорошими. Машутка допытывается у меня,

вижу ли я по их лицам, что они иностран-цы? Чтó их отличает от русских? «Вот Ёша, - говорит, - похож на русского». А мне так не кажется. Ещё раз пристально смотрю на Ёшу и вижу не русское или немецкое лицо, а лицо близкого, родного мне человека. У Ёши открытый взгляд, красивые глаза, в них светится ум, спокойствие, доброта. Да, «немцы не равно фашисты», это главное.

Начали впускать в зал. Типичный для планетария зал. Только кресла откидыва-ются настолько, что мы почти лежим, глядя на купол.

Перед концертом молодой человек объяснил, что будет в программе. Зрители поаплодировали. Погас свет. И началась «Звёздная музыка». Ничего подобного я не видывала, даже не предполагала, что такое возможно. Лазерные эффекты, сопровожда-емые музыкой и видами звёздного неба, – всё настолько удивительно, неожиданно, прекрасно, что казалось просто неправдопо-добным! Нас то уносило ввысь, то швыряло вниз, то кружило так, что казалось, сейчас вылетишь из кресла. Хорошо, что бывали и спокойные моменты, иначе я укачалась бы.

Концерт оставил в душе восхитительное ощущение безграничности человеческих возможностей. Ну, как же после этого не лю-

бить немцев!

Напоследок решили семейно посидеть у Ёши дома. Марта проявляла к нам чрезвы-чайный интерес.

Пили португальское вино, ели копчёного угря. Среди многих тостов (например, «За любовь!», «За дружбу!») был и такой: «За шило в жопе!» (то есть за непосед, за лёгких на ногу людей). Когда я попросила чокнуть-ся сразу тремя бокалами, Машутка пошути-ла: «Боюсь, что разовьётся косоглазие, ведь я не могу смотреть сразу на вас обоих». Оказывается, у немцев принято, когда чокаются, смотреть друг другу в глаза! Маша, смеясь, сообщила, что она тоже кое-чему Ёшу научила: например, не оставлять на столе пустую бутылку. Пустяки, конечно, но любопытно.

А потом я предложила помянуть наших...

В отель меня провожали пешком. Как оказалось, это совсем недалеко от Ёшиного дома.

Помахала ребятам из окна и бухнулась спать.

30 января, понедельник. Гамбург. Москва

Проснулась в семь утра по московскому

времени. Помылась, сделала записи в дневнике. Пила немецкий кефир «Калинка». Вкусно! На пластмассовом стакане напи-сано «500 г». Верю, что это без обмана (не как у нас: четыреста девяносто граммов по цене пятисот).

Скоро придёт Машутка, заплатит за гостиницу. Дочка со мной о расходах не говорит, но в документах для визы было написано что-то про отель и указана сумма 160 евро. Как всё дорого!

Напоследок ещё раз разглядываю номер. Понравилось устройство лёгких штор. Их четыре. Сверху и снизу в каждую вшиты планки: нижние – тяжёлые, оттягивают шторы, а верхние – узкие и лёгкие ездят по жёлобам в карнизе. В итоге шторы можно развести в стороны, оставив голое окно; можно разместить в один слой; можно оставить по две друг за другом – получатся менее прозрачные лёгкие шторы. Можно сдвигать их и внахлёст. Быстро и удобно! А поверх них легко задёргиваются плотные зимние шторы.

В дверь постучали. Машенька! Ну, «Кристобайль», до свидания! Как у нас говорят, спасибо этому дому, пойду к другому!

Внизу сдали ключ от номера. Машутка

рассчиталась карточкой за моё проживание в отеле, квитанцию мне не показала. Спонсор ты мой дорогой!

На улице солнечно, ветрено и очень холодно, хотя на термометре всего-то минус четыре. Видимо, сказывается высокая влажность.

По пути на улицу Бармбекер мы искали магазин с батарейками для фотоаппарата. Так и не нашли. Зато Машутка купила три куска торта (торты, наверное, продаются и целиком, а здесь все были порезаны на большие куски). Я глянула на хлеб. Однако! Шесть евро за килограмм... Машутка потом рассказывала, что это не очень дорого. Живут люди нормально, хотя все платят налог 60%. Вот это налог! И на оставшиеся 40% от своей пенсии фрау Бок снимает квартиру и не бедствует. Фрау Бок всю жизнь прожила в этой квартире и всю жизнь её снимает. Ёша тоже снимает квартиру. Всё нормально.

Да, не всё лежит на поверхности...

Пришли домой. Ёша вёл по телефону деловой разговор. И голос, и лицо Ёшино были в это время очень строгими. Ёша делал нам знаки не шуметь (когда Машутка за-шуршала обёрточной бумагой, разворачивая сладкую покупку). И совсем человек преоб-

разился, когда закончил важный телефон-ный разговор. Машутка улыбнулась: «Теперь Ёша с нами».

Наскоро попили чаю. Спешили, чтобы до аэропорта успеть заехать в планетарий: вдруг да повезёт, и мы сможем попасть на башню – обозреть Гамбург с высоты!

Около какого-то большого магазина остановились, и Машенька помчалась за батарейками. Долго не возвращалась. Нако-нец, появилась с покупками. Вручила мне, кроме батареек, сувенирный чемоданчик с марципаном и бездымную свечу. Спасибо, доча! Теперь и я буду дома принимать гостей при свече.

Видовая площадка в планетарии сего-дня, к сожалению, не работала. Ёша очень переживал по этому поводу и долго изви-нялся передо мною. Я успокаивала: «Да ладно, всё нормально!»

Приехали в аэропорт. После вчерашнего миниатюрного аэропорта сегодня в настоя-щем-то показалось всё знакомым.

Ребята проводили меня до контрольного пункта, где регистрируют на рейс 126 (Гамбург - Шереметьево). Дальше им идти нельзя. Пообещали стоять здесь, пока не пройду личный досмотр. Волнуются, справ-люсь ли, не зная языка. Машутка просит: «В

случае чего, набирай мой номер и давай трубку работнику аэропорта. Я сама с ним поговорю и выясню, в чём загвоздка». Улы-баюсь, в ответ: «Tschüss!» (чус) – (местное выражение, что-то вроде нашего «Пока!»)

Иду за пассажирами. Думаю, буду де-лать всё, как тот мужчина, что передо мной. Он снял пальто и положил его в чёрный прямоугольный тазик. Туда же положил паспорт. Поставил тазик на транспортёр. Вещи свои тоже поставил на транспортёр. И пошёл к «райским воротам» на проверку.

Я, как обезьяна, сняла шубу, уложила в тазик, поставила его на ленту транспортёра. Паспорт и посадочный талон положила к шубе. Поставила сумки на транспортёр. Довольна! Но проверяющий почему-то возражает. Я не понимаю. Разуться, как в Шереметьево? Смотрю – все в обуви. А дядька что-то настойчиво требует. Показы-вает на мои сумки. Не понимаю! В отчаянье оглядываюсь и вдруг вижу, что по обратной стороне транспортёра ко мне подъехало много чёрных тазиков. А! Наверное, надо сумки в тазик поставить! Беру тазик, ставлю в него обе сумки. Дядька снова возмущается. А! Наверное, надо в тазик по одной вещи ставить! Вынимаю одну сумку и переставляю её в другой тазик. Дядька

облегчённо вздыхает и указывает рукой, чтобы шла к «воротам».

Там я как птичка пропорхнула, мне сразу кивнули, что, мол, всё в порядке (а других ещё и приборами проверяли), и указали, чтобы забирала из тазиков свои вещи (они тоже в порядке).

Собрав имущество, оглянулась на ребят. Они всё ещё стояли там, где мы с ними попрощались. Я улыбнулась, помахала ру-кой. Они помахали в ответ и заспешили в город, ведь у них ещё много дел, а Машутке сегодня в шесть вечера улетать в Амстердам. (Там Маше будет работа на выставке. Потом моя доча поедет в Дрезден, а оттуда – в Москву.)

Мне предстояло самостоятельно найти выход «А 19». Свернула я куда-то не туда, ибо там нигде не было видно информации про «А 19». Показала посадочный талон первому попавшемуся работнику аэропорта, и меня послали в нужном направлении.

В «А 19» поставили мне в паспорте отметку убытия из Гамбурга.

Ну, вот как всё просто и понятно! Сиди и жди начала посадки в самолёт. В посадочном талоне указано, что она начнётся в 11-40. Место у меня снова 07 F. А вылет в 12-20.

Позвонила Машутке. Извинилась перед Ёшей, что ни разу не вспомнила о его родителях, передала им привет. Пожелала ребятам всего самого доброго. Хорошие они, деликатные! Наверняка я не раз делала что-то не так. Но Машенька осторожно поправляла меня, только когда я начинала громко говорить. Она просила: «Говори тише», и объясняла, что немцы не привыкли так общаться и думают, что происходит ссора. Да что вы, товарищи немцы, какая, к чёрту, ссора, когда у меня радость через край!

Вскоре ко мне обратилась женщина, по-русски попросила посмотреть за её вещами, пока она в туалет ходит. Я кивнула, а про себя улыбнулась: здравствуй, милая сооте-чественница!

Посадка прошла очень спокойно. Мне даже показалось, что пассажиров сегодня мало. Но нет, загрузка полная.

Командир экипажа приветствовал нас по радио. Сказал, что мы находимся на борту самолёта, которому присвоено имя известного русского математика Андрея Колмогорова. Я мысленно

поправила: Анд-рея Николаевича Колмогорова. И представи-ла, как бы Серёжечка сейчас радовался за своего учителя и гордился им!

Сиж у окошка, фотоаппарат с новыми батарейками – снимай, не хочу!

Никогда, наверное, не насмотреться на землю, на небо. А с самолёта они ещё и выглядят по-другому. Даже Луна казалась непривычно маленькой, словно удалялась.

Вдруг над нами очень близко пролетел самолёт. Белые вихри за ним сверкали на солнце, крутились, мгновенно менялись – красивое зрелище, как на концерте «Звёзд-ной музыки».

Вдали самолёты появлялись нередко – двигались они на разных высотах, в разных направлениях.

В самый разгар «аэрофотосъёмки» фото-аппарат просигналил: «Карта памяти переполнена». Что?! А в небе начался закат, такие краски разливались!.. Досадно, но сама виновата: забыла перед отъездом из Череповца скинуть в компьютер кадры с карты памяти.

На обед я выбрала баранину с картош-кой. Когда и где ещё удастся отведать такое блюдо! Очень вкусно!

Полёт продолжался около двух с полови-ной часов. В Шереметьево приземлились в шесть вечера.

Прошла паспортный контроль (получила в паспорт штамп о прибытии в Москву). И

дальше, в соответствии с Машуткиной инст-рукцией, двинулась по указателям: «На электропоезд в Москву».

Послала SMS Машутке. Позвонила Лене Макаровой, договорились о встрече на Ярославском вокзале. Купила билет на аэроэкспресс (320 рублей).

В 19-00 поезд отошёл от Шереметь-евской платформы и через 35 минут прибыл к Белорусскому вокзалу.

Дальше – по Машенькиной инструкции – направо от вокзала вход в метро на станцию «Белорусская» кольцевая. Сойти на «Комсомольской» и выйти на Ярославский вокзал.

В Москве минус тринадцать и сильный ветер. Не погуляешь.

На Ярославском вокзале сразу почув-ствовала, что вернулась домой: грязно, суетно, присесть негде. Чуть замешкалась на пути у молодых людей, так они обложили меня таким многоэтажным матом, ой-ой-ой! Подумалось: спасибо, не ударили.

Как только объявили посадку на наш поезд, я пошла на перрон. Лена позвонила и вскоре пришла ко мне в седьмой вагон. Я передала ей маленький привет из Гамбурга и свой загранпаспорт (Машутка вернётся в Москву и возьмёт у Лены мой паспорт для

оформления визы).

Ну и Леночка! Когда провожающих попросили выйти из вагона, она вышла на перрон, но от окна не уходила, как я ей не сигналила. Стояла, приплясывала от холода, пока поезд не тронулся.

31 января, вторник. Череповец

Череповец встретил крепким морозом: минус двадцать шесть!

Дома всё в порядке. Спасибо Вере Владимировне Поповой!

Кисы соскучились, но ещё немного сторонятся. Видно, обиделись, что надолго уезжала. Ничего, простят, когда расскажу им, где побывала и что повидала.

Февраль 2012 года

Череповец